

Евгений Шибаршин

Угар перестройки

Евгений Шибаршин

Угар перестройки

<https://litres.ru/74046134>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге Евгения Шибаршина «Угар перестройки» помещены статьи на политические темы, написанные в начале 90-х годов. Объединение материалов в тематические главы концентрирует внимание читателей на негативных последствиях «перестройки», на поиске новых форм отношений после развала СССР. Автор предлагает своё понимание «частной собственности» и «социализма», а также обращает внимание на кризис нравственности, порожденный радикальными реформами советского общества. Статьи написаны в острой полемической форме, отражая высокий накал страстей в период поиска смысла происходящих перемен.

Содержание

Глава I. Угар перестройки	4
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Евгений Шибаршин

Угар перестройки

Глава I. Угар перестройки

Человек в пейзаже политики

У Андрея Битова есть замечательная повесть «Человек в пейзаже». Прочитал её давненько, но главная мысль (в моём, конечно, понимании) засела в мозгу крепко. В пейзажах великих живописцев нет людей. Природа настолько благородна и величественна, что человек, обуреваемый всевозможными страстями, с ней просто не гармонирует. Точно также нормальный, здоровый человек не гармонирует с политикой. Для него она - заведомо «грязное дело». Впрочем, для политики и политиков тоже нет человека как такового. Одни замечали только классы, другие стали употреблять модное слово «электорат». Ну, а коли счёт идёт на миллионы, то что там рефлексы каких-то отдельных тварей! Но для литератора, другого незашоренного исследователя мысли и чувства людей – вещь первостепенная. Вдвойне, втройне интереснее зафиксировать их в пору больших политических катаклизмов. Евгению Шибаршину, автору книги «Угар перестройки», посчастливилось, на мой взгляд, сделать несколько удачных

«рентгеновских снимков» растерянной души постсоветского человека, живущего на одном из обломков некогда великой державы.

Взявшись за летопись идейных, нравственных исканий переходного периода, автор выразил не только своё видение происходящего, но и подспудно, быть может, не всегда законченно оформленные мысли целого поколения людей. Поколения, которое политики с ухватками медведя на воеводстве в одночасье лишили Родины и привычных идеалов. В результате люди, прежде далёкие от политики, стали ею интересоваться, в пейзаж под названием «борьба за власть» попал обычный человек. Таким человеком видится мне, несмотря на его партийный чин, и сам автор книги (Евгений Шибаршин – руководитель Костанайской областной организации Социалистической партии Казахстана). С ним можно соглашаться или не соглашаться, но искренность переживаний, стремление препарировать происходящее без заскорузлых идеологических догм не может не подкупать. Это, замечу, не всегда нравится творцам новоявленной идеологии, порой теряющим почву под ногами и выдающим желаемое за действительное (обращаю внимание читателей на статью «Об искусстве блефа»). Но пока политик Шибаршин остается человеком, пока питается соками народной правды, ему нечего опасаться за своё место в пейзаже.

Лев Лузин,

редактор газеты «Кустанай», (1996 г.)

Глава I . Угар перестройки

До собственников мы не доросли?

После «рождественского подарка», который мы получили в виде обвального повышения цен, в нашем обществе не осталось ни одного человека, не обсуждавшего идею рыночных отношений. Если раньше базарные «толчки» были школой с необязательным посещением занятий, и можно было лишь со стороны наблюдать, как куются деньги, то сейчас нам объявили об обязательном начальном рыночном образовании. Нас с пустыми карманами насильно поместили в пробирку, где полно пустых прилавков и переполненных своей монопольной значимостью производителей.

Теперь весь мир будет наблюдать за тем, как же закончится очередной эксперимент на одной шестой части планеты. И можно было бы обидеться на свою злосчастную судьбу. Взяться за топоры и вилы, да и прикончить эту мировую торгашескую гидру. Потом собраться на митинг, выбрать в президенты очередного добра молодца и, загребая лаптями дорожную пыль, идти за ним к свободе, равенству и братству. Ну и что из того, что рядом проходит сверхскоростная автострада с шикарными лимузинами, в которых едут улыбающиеся люди. Зато у нас самые свободные и самые демократичные выборы. Мы и президента даже можем послать (сами знаете куда).

Но в том-то и дело, что если мы на своих президентов уже

махнули рукой, то от лимузинов бы не отказались. Заиметь их мы сможем лишь тогда, когда у нас сформируется экономика с механизмом самосуществования. В качестве такого называют рынок. Ох и дискуссии вокруг него бушуют! Правда, иногда складывается впечатление, что они носят надуманный характер. Рынок объявляется неким монстром, который существует сам по себе, и по воле Божьей одним может обеспечить райскую жизнь, другим же — адовы муки. Причём, первые - конечно же, неутомимые труженики, только и думающие об утолении природной жажды деятельности, а вторые — ни к чему не приспособленные бездельники, любящие поспать, помечтать и поговорить о социальной справедливости.

Если экономику как сложнейшую систему сравнить с человеческим организмом, то рынок — её сердце. Они не могут существовать друг без друга. Правда, бывает и так, что сердце остановилось, а экономика ещё живет. Так случилось у нас с конца 20-х годов. Но не следует забывать, что его продолжали массажировать властные руки Иосифа Виссарионовича, да еще одетые в «ежовые рукавицы». Когда это место занял Леонид Ильич, руки которого не столько давили, сколько удавливали, то дело пошло совсем плохо. Не помогли ни заклинания, ни молитвы, обращенные к сознанию человека. Михаил Сергеевич решил реанимировать почти атрофированное сердечко и собрал консилиум. Начались дебаты. «Специалистов» оказалось слишком много, и 6 лет их

бесплодных дискуссий кончились тем, что нетерпеливый Борис Николаевич электромассажем либерализации цен окончательно поверг экономику в коматозное состояние. Но это уже была скорее не стимуляция, а пересадка сердца из польского организма.

Что за проклятие висит над нашим народом! Сколько ругают наших лидеров за отсутствие модели перестройки, а они продолжают нам долдонить о привлекательности то южнокорейского варианта, то китайского, то турецкого (ФРГ, США, Швеции явно не для нашего интеллектуального желудка - не переварим). А уж если сами придумаем модель размером в 500 дней, то там либо одна штанина длиннее другой, либо гультфик не на месте вообще,.. это или нужно носить, или на нём летают, или это дерево, на котором должны расти докторские диссертации подавших в отставку марксистов-ленинцев?

Рынок как механизм обмена произведенным продуктом всегда существовал только в конкретных условиях. Если он в разных странах в чём-то и похож в своих проявлениях, то это говорит лишь об одном — о наличии закономерностей у этого явления. Только в голове экономиста, в абстракции существует некая идеальная модель, несущая в себе всё самое главное, повторяющееся. Неужели мы не способны реально оценить состояние нашего общества, сопоставить его с этой идеальной моделью и, не суетясь, осуществить именно те меры, которые выведут нас на столбовую дорожку мирового

развития?

Если у нас это плохо получается, то напрашивается два вывода. Либо действительно в 30—40-х годах «отец народов», выполняя агентурное задание Дьявола, подсыпал яд в генетический код нашего народа и мы теперь благополучно интеллектуально загниваем, либо наши экономисты никак не могут стать неполитэкономистами и добросовестно выполняют очередной социальный заказ.

Скорее всего - последнее. Иначе невозможно объяснить такое реформирование общества, когда подавляющее большинство людей переводится из терпимого состояния в нетерпимое. Жизнь превращается в сплошной дом терпимости, где всё продается и ничего не покупается, где честным людям опять отводится роль клиентов столовых, выдающих бесплатную похлебку на деньги новых хозяев жизни и их забугорных покровителей.

Виновным во всем объявят, конечно же, рынок. И правильно. Так ему и надо. А чего он приходит туда, где его особенно-то и не ждут, где о нём ничего не знают, да и, кажется, перепутали с Санта-Клаусом, у которого бездонный мешок с гуманитарной помощью.

«Ну ладно, всё это беллетристика!», - сказал петух, послушав любовные трели соловья, и погнался за первой попавшейся курочкой. Сколько мы бы ни ругались, сколько бы ни стонали - жить-то как-то надо. Делать что-то надо.

Подозреваю, что в России, «освобождая» цены, прекрас-

но понимали, что в условиях сверхмонополизации это приведёт к постоянным скачкам цен, за которым не угонится ни одно повышение зарплаты. Но народ нужно было повергнуть в состояние шока. Для чего? Чтобы подхлестнуть так долго разворачивающуюся приватизацию. Все мечтают наградить народ свободным трудом, сделать его хозяином своей судьбы.

Велика сила любви политиков к своему народу. Но как любовь коварна! Хочешь сделать обожаемому хорошо, а получается плохо. Видно, не создан он ещё для такого высокого чувства. Это дело надо ускорить. Так родилась идея ускорения приватизации.

Далее события, очевидно, будут разворачиваться по давно отработанной схеме: совещания, жесткие сроки, проценты охвата, отчетность, поиск тормозящей силы и её уничтожение. Вот и автор данной статьи решил внести свою лепту в это благородное дело. Организовывать - это всегда хлопотно, да и нудно, а занятие по поиску врагов и их публичной экзекуции - весьма героическое, поэтому автор и решил принять участие во втором.

Много врагов искать не буду - слабоват, не справлюсь. Хотел бы уничтожить лишь одного - боязнь частной собственности, этого «черного дракона» псевдомарксистов. Интересная метаморфоза произошла в нашем сознании. Мы думаем, что после 1917 года отрубили у этого дракона все головы. Но пока, переполненные гордостью, барабанили себя в грудь, не

заметили, как на их месте выросли новые. Только они теперь клялись в верности марксизму-ленинизму, присвоили себе новое имя «общественная собственность» и убеждали всех, что теперь заботятся о благе человечества.

Отмена частной собственности не означает уничтожение её в действительности. Возникнув на базе разделения труда, как форма отношений между людьми по поводу производства, обмена и распределения, она приобрела и юридическую оболочку, закрепив право собственности на средства производства.

В общественном сознании устоялось понимание общественной собственности как государственной собственности. Как то, что принадлежит всем. К ней же сейчас делается попытка отнести и коллективные формы частного владения.

Однако существует точка зрения, что общественная собственность возникла одновременно с частной и развивалась в различных формах влияния государства на общество. Речь идет об их диалектике. Частная собственность развивается через смену форм отношений между людьми, участвующими в производстве, в основе которых лежит изменение типа технологических отношений и связанных с видами юридической собственности на орудия труда и рабочую силу. Сутью развития общественной собственности является смена форм государственного регулирования противоречий между всеми участниками производства, через обеспечение рынка сбыта товара.

Сегодня разделение труда не преодолено, и оно воспроизводит отношения частной собственности. Этим можно объяснить факты, когда руководитель, будучи не удовлетворен своей зарплатой, ищет различные варианты льгот для себя, чтобы выделить свои особые заслуги. Та же природа устремлений трудовых коллективов оторвать кусочек от общего пирога. Опять же подчеркивается своя особая значимость в обществе. Это ли не проявление частного экономического интереса, органически вплетающегося в частнособственнические отношения.

Задачей дня является передача одному лицу, группе, коллективу полного права распоряжаться произведенным продуктом. Как они его реализуют на рынке, так и будут жить. И это всё есть капитализм, если перейти в привычную для нас идеологическую систему координат.

А что же общественная собственность? Всё дело в том, что абсолютно свободного труда в природе нет. Это призрак. Труд свободного производителя в условиях рынка «поработиён» необходимостью сбыта продукции.

Мы слышали о перепроизводстве у буржуев, когда они гноили товар, но не продавали. Столкнулись с аналогичным явлением и в своей остродефицитной экономике. Правда, в своем революционном духе сразу же заговорили о саботажниках, доморощенных мафиози, вредных партократах. А ответ лежит не там. И в первом и во втором случае производитель не может снизить цену, т. к. она подпирается высокой

себестоимостью. Не может востребовать его и потребитель, т. к. низка его покупательная способность.

Тогда все и вспоминают о государстве, которое может эту ситуацию сгладить. В этом и проявляется общественная ответственность. Это и есть социализм.

Чем дальше усложняются технологии, экономические связи, тем больше все нуждаются в некоем регуляторе. Любой капиталист (а также и трудовой коллектив) будет скрипеть зубами по поводу того, что он вынужден делиться частью своей прибыли. Но ему так осточертел его «свободный» труд, что он настойчиво будет искать у государства выгодный госзаказ, отдаст и соответствующий налог. Для государства же важно не пригвоздить его к позорному столбу «почётно-го» звания «эксплуататор», а давать возможность проявлять инициативу.

Как видим, любителей «чистокровного» социализма, как и противников социализма вообще, ждут большие разочарования - не хочет природа развиваться по пути «либо-либо». Так и будут существовать в нашем обществе капитализм' и социализм рядом, как это происходит во всём мире. И с этим ничего не поделаешь, кроме одного — извлекать экономическую выгоду.

Придёт время, когда человек не нужен будет в сфере материального производства ни как наёмный работник, ни как хозяин орудий труда, потому что вместо себя оставит там машины. Умрёт труд, а вместе с ним и его разделение, что

так доблестно воссоздаёт срезаемые идеологическими мечами головы «черного дракона».

«Конкретнее, конкретнее!» — воскликнет от нетерпения читатель. Не буду. Это уже дело специалистов. Хотелось бы лишь назвать подводные камни, которые уже сегодня просматриваются, но почему-то плохо учитываются ускоряющимися реформаторами. Первое - процесс формирования собственников понимается в буквальном смысле, что превращается во всеобщий делёж национального богатства. Неутолимая жажда «социальной справедливости» никогда не обуздается чёткими критериями, и все попытки объективно оценить прошлый труд каждого человека, в конце концов, приведут к разрушению производительных сил. Этот процесс уже начался с суверенизацией. Не дай Бог, если делёж перейдет на предприятия, т. е. будет растаскиваться технология.

Продать группе людей магазин, мастерскую - это не то же, что продать трудовому коллективу завод. Скорее всего, через некоторое время он будет криком кричать родному директору: «Купи нас! Иначе мы обанкротимся!» Быть собственником и управлять технологией - это разные вещи. Управляемость всегда была определяющей. Опыт выборности руководителей показал, что демократия в организации производства ничего, кроме экономического краха, принести не может.

Второе - нельзя весь опыт государственного управле-

ния сводить к проявлению тоталитаризма и, размахивая партократическим пугалом, как чёрт от ладана шарахаться при малейшем проявлении государственности. Сверхмонополизм нашей экономики - это не только результат ошибочной политики государства, но и следствие объективности процесса развития технологии. Об этом говорит опыт стран с развитыми рыночными отношениями. Потому нашим правителям, вкупе с экономистами-кавалеристами, нужно шашку либерализации цен убрать в ножны и, помня их любовь к политике здравого смысла, посоветовать установить «разумную достаточность» в соотношении цен, регулируемых государством (там, где для преодоления монополизма производителя нужно много времени и средств), и «отпущенных на свободу» (в сферах, где действительно в ближайшее время наступит оживление производства).

Процесс становления рынка длительный. Не надо пугать людей то голодом, то переворотом, то играть ценами, прикидываясь спасителем всех народов. Это еще больше мутит экономику. А кто ловит рыбку в этих условиях, мы уже видим.

«Опять беллетристика!» - воскликнет с досадой почтенный отец семейства, откладывая в сторону газету, и, выключив свет, приступит к исполнению супружеских обязанностей. И будет прав - ни одна теория в полной мере не удовлетворяет жизненных потребностей.

А посему и я заканчиваю это полупорнографическое по-

вестование, где больше раздеваний, чем одеваний, и предоставляю читателю возможность самому измерить гармонию рыночных отношений алгеброй своего кошелька.

«Ленинский путь», 29 февраля 1992 г.

И где найти цензурные слова...

На базаре часто можно наблюдать сцену: покупатель, узнав о высокой цене товара, начинает громко говорить окружающим обо всём, что он думает по этому поводу. При этом использует всё богатство языка межнационального общения.

Эти душещипательные события невольно вспоминались после того, как 3 марта по телевидению выступил глава правительства Украины В. Фокин. Речь шла о том, что Туркменистан решил продавать газ Украине в 20 раз дороже, чем раньше. Многовато запросили, конечно, но куда деваться - Иран продаёт ещё дороже. Вроде бы договорились. Хотели было уж по этому поводу и шампанское открыть, да вдруг выясняется, что покупателю придётся платить и за транспортировку «голубого топлива». Ох, братья-славяне, и дурят же нас на восточном базаре!

Бокалы остались сухими, потенциал личного общения оказался исчерпан, телефонная связь между Киевом и Ашхабадом стала ненадёжной, и В. Фокин, используя возможности телевидения, решил торговаться с руководством Туркменистана через честной эСЭНГэшный народ. И теперь

окончательно ясно, что экономическая война, о возможности которой постоянно шумели закордонные «голоса», стала реальностью.

Началась она со штабных учений. Проводили их суверенные главнокомандующие, парламентами объявляя «самостийность» вверенного им Богом и демократией народа. Либерализацией цен провели разведку боем и, наконец, телевидением подключив людей к оказанию влияния на заключение экономической сделки, по сути, перешли к широко-масштабным боевым действиям.

Очевидно, кого-то шокирует, пугает используемая автором военная терминология. Но какие ещё найти цензурные слова, чтобы точно назвать действия, ведущие нашу Отчизну к разорению.

Слушая В. Фокина, искренне переживал по поводу того, что без газа останутся предприятия, что мы опять чего-то недополучим. Однако возникали и вопросы. Почему наши правители зачастую ведут себя в экономике, как слон в посудной лавке? Почему всё время они ссылаются на опыт цивилизованных стран, а сами предпочитают поступать просто - выходить на базарную площадь и кричать: «Караул, грабят!». Неужели они не помнят, что после подобных обращений обязательно найдутся сердобольные, которые, разгромив торговые ряды, восстановят «социальную справедливость».

Может, хватит нам беспокоиться о своём суверенном ре-

номе, помянем в конце концов добрым словом покойный Центр, да и начнем создавать в нашем СНГ соответствующие координационные органы. И пусть они притирают все шероховатости в экономических отношениях.

Или опять будем ждать очередного «обращения к народу» по поводу того, что республика А не хочет продавать по дешевке гвозди республике Б?

«Кустанаец», 18 марта 1992 г.

Скачки ли скачки?

Не знаю почему, но с детства мне больше всех животных нравятся лошади. Нет, родился я не в обозе, в ночное никогда не ездил и до сих пор не знаю, с какой стороны садятся на коня верхом. Но сызмальства помню глаза, смотрящие на меня из стойла деревенской конюшни. Были в них и любопытство, и немая просьба, и усталость, бесконечная усталость. Только почувствовав это, начинаешь замечать на сильном красивом теле потертости, ссадины, другие следы извечного желания человека выезжать на ком-либо к своему приземленному счастью.

Невольное сравнение с загнанными лошадьми у меня возникло после того, как увидел скупые телевизионные кадры о встрече российского президента с жителями одного из алтайских сел. Это были в основном женщины. Очень уж настырно они любопытствовали у своего «жокея», когда же прекратятся эти изнуряющие экономические скачки.

Ох и бестолковые же они! Никак не хотят понять, что на финише (в конце года) ждут их «кормушки», полные овса. Да и откуда быть сообразительности: не «породистые». В своё время большевики лучшие «стада» с голодухи на мясо перевели, а те, у кого ноги покрепче, за границу ускакали. Поэтому она (заграница) сегодня и процветает! Остались только обозные «клячи». Новый хозяин говорит: «Потерпите еще один скачок! Он последний. Немного (раз в 7-8!) поднимем цены на энергоносители, а потом их отпустим. После этого наступит «стабилизация».

Какая всё-таки метаморфоза происходит с восприятием слова «отпустим». Ещё в начале года, когда нам «отпустили» грехи за прошлую безалаберную жизнь, обозвав эту процедуру ласковым словом - «либерализация», мы почувствовали, как полученная «свобода» арканом захлестнула нам горло. Стали побаиваться: как бы ещё что-нибудь «не отпустили».

Наконец, долгожданная «стабилизация». Мне очень нравится стабилизация на кладбище. А вам? Главное - тихо, спокойно, прямая связь с вечностью. Не к этому ли нас ведут? Или к стабильному росту цен при вечно отстающем росте зарплаты? Это мы уже не воспринимаем, и правители могут поделиться своей болью с нами только в связи со скачками. Это общепризнанно плохо. Всё остальное называется «стабилизацией». А поскольку всё, что не относится к плохому, есть хорошее, то и стабилизация - это хорошо.

Который месяц пытаюсь добросовестно понять логику действий российского руководства (а она во многом объективно определяет экономическую политику и в нашей республике). Пока пришёл только к выводу о том, что логика заключается в её отсутствии. Тогда для чего, спрашивается, нужны президент, правительство, парламент, должны вносить коллективный разум в стихийное движение? Только для того, чтобы защитить стихийность от разумного вмешательства? Правительство, которое кое-кто провозгласил как «первое правительство решительных действий», на самом деле решительно лишь в уничтожении последних следов государственности и в политическом маневрировании, чтобы удержать свою власть. Единственное обещание, которое оно выполнило: обещало, что будет хуже, и, как говорил один острослов, «хуже» - пришло.

Мне кажется, что лошади хочется не только с отпущенными поводьями свободно брести по полю и, забыв о наезднике, спокойно щипать травку. По-моему, она больше себе нравится тогда, когда, пританцовывая на выездке, показывает всю красоту своего тела и движений. Всадник, при этом внешне себя никак не проявляя, тонко руководит ею, используя все её инстинкты, а может, и зачатки разума.

А пока мы все участвуем в изматывающих скачках, в которых группа всадников, нещадно избивая вольно пущенных «коней», гонит их по голому «рублёвому пространству» к очередному «светлому будущему», не имея при этом ника-

кого понятия о том, что они делают, упоённые лишь бесконечной властью над всем живым и азартом быстрого движения.

Видно, и у «жокеев» с породистостью не всё в порядке. И останутся после них лишь взбитое копытами безжизненное поле и грустные глаза «коняги», уставшей от бесчисленных хлестаний безголовых реформаторов.

«Кустанаец», 4 июля 1992 г.

Игра без правил

В последние годы очень часто вспоминаются ленинские слова о том, что у нас каждая кухарка должна научиться управлять государством.

Ох и посмеялась же над этой фразой в последнее время «независимая» пресса, ещё недавно горячо убеждавшая нас в необходимости свержения партократии и установления «народократии». Можно было бы забыть о количестве сарказма, излитого на каждую душу нашего разоряющегося «народа-властелина», да жизнь рисует всё новые иллюстрации к исторической драме о том, как «кухарки» пришли к власти и что после этого приключилось с их детьми и внуками.

Кем бы мы себя ни считали: прямыми наследниками какого-нибудь графа или царского наместника, внуками внебрачной дочери хозяина поместья или «детьми лейтенанта Шмидта», ход перестройки и её закат показали, что уж в политике-то мы точно «кухаркины дети». Особенно остро я это

почувствовал, когда слушал рассуждения о своей политической деятельности чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова.

Побывав на Олимпе демократического движения, он сообщил участникам телепередачи «Тема», что картину там он увидел безрадостную. Это изрядно пригасило искромётный оптимизм в его жизни. Вся беда в том, что политика оказалась, по словам чемпиона, «игрой без правил». Начиная спортивную карьеру, Гарри думал, что это не так.

Наивный человек! Чистая душа! Мечтая о чемпионских лаврах, он даже вступил в КПСС. Хотя с коммунистическими идеями был не согласен. Он думал, что в политике есть правила, которые в «том» обществе диктовали: «Если претендуешь на лидерство – вступай в КПСС». Правда, ни Михаил Таль, ни Тигран Петросян, да и многие другие выдающиеся профессионалы не связывали свои успехи с партийностью.

Скорее всего, Каспаров реализовал свою жизненную страсть - во всё играть. Правда, он предупредил телезрителей, что играет в те игры, правила которых он знает. «Заигрался» до того, что, перепутав шахматную партию с политической, попытался создать и свою партию.

Шахматы всегда поражали меня благородством борьбы. В поединке интеллектов иначе и быть не может. Политика же - это столкновение, прежде всего, экономических интересов. Амбициозность, свойственная любому соперничеству,

в этой сфере зачастую приобретает уродливые, аморальные формы. Скажите, как интеллектуалу, заблудившемуся в лабиринтах политических интриг, не ужаснуться, когда с лица твоих единокорцев за власть падают за ненадобностью благообразные маски?

Но оставим на совести этого талантливом шахматиста, но никудашного политика его нравственный выбор. В конце концов, он хотел стать лишь чемпионом мира, а не мировым правителем.

Можно согласиться и с тем, что жизнь - игра. Но кто-то в ней играет маленькую, а кто-то большую роль. При этом первые могут считать себя великими игроками, не ведая, что они давно уже стали лишь разменной монетой в высоких ставках политических воротил. И тогда кухарка оказывается в одной компании с чемпионом мира по шахматам.

Политики в своих речах провозглашают их «народом», об улучшении жизни которого они денно и ночью заботятся. Обществоведы обзывают их «движущей силой истории», пытаясь разобраться, как же так случилось, что опять единственными «завоеваниями» этой силы оказались кровавые страдания.

Нет, ошибается уважаемый чемпион - в политике тоже есть правила. Над изучением их сути плодотворнее всего потрудились именно те мыслители, с которыми Гарри никак не может согласиться, выступая в крикливом хоре отставных пропагандистов марксизма-ленинизма.

Особенно поразительны политические страсти среди некоторой части творческой интеллигенции. По уровню они ниже кухонных. Недавно один исполнитель посетовал, что раньше петь романсы ему мешали коммунисты, а теперь - экономика. Но не всё так просто. Неужели не ясно, что новые политики использовали творческую интеллигенцию как непотребную девку, чтобы удовлетворить свою политическую страсть. Теперь же, прочувствовав оргазм власти, ее бросили в экономический омут. Это случилось не потому, что «злые дяди» воспользовались детской доверчивостью интеллигенции. Нет, просто таковы правила, которых придерживаются политики, стремящиеся к власти.

Творческим людям всегда было нелегко. Преодолевая барьеры непонимания (особенно идеологические), некоторые из них вынуждены были участвовать кое в каких «играх». Может быть, именно потому, что им в известные времена приходилось идти на сделки со своей совестью, они с такой яростью и разрушают прежние порядки?

Чем меньше таланта, тем больше сделок. Чем больше сделок, тем больше ярости, больше амбициозности и меньше созидательной работы. Серость, которая косяком пошла в политику, искала возможность самореализоваться хотя бы в этой сфере. Гласность открыла все шлюзы, труба народного гнева зовет - отчего бы не возглавить где-нибудь этот разрушительный поток и не остаться в истории.

Все мы лекари, хотя не умеем даже клизму толком поста-

вить; все мы строители, хотя в лучшем случае смогли соорудить голубятню с громким названием «дача»; все мы педагоги, хотя, воспитывая своих детей, освоили только один метод - ременьно-подзатылочный. Ну и, конечно же, все мы политики.

Ленин говорил о том, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. Каспаров решил, что для того, чтобы управлять государством, достаточно научиться играть в шахматы. Так же, как и он, многие из нас ничего не знают о правилах в политике. Считают, что в политике всё примитивно. Есть лишь дураки и умные. Дураков убираем, а мы, умные, занимаем их место. Может, потому мы так долго и противно кувыркаемся в реформах, что позволили прийти к власти амбициозной серости. Плохим политическим танцорам всегда что-то мешает: то «Горбачев нас не туда повёл и завёл», то «красно-коричневые» в ногах путаются.

Давайте из всей этой «демократической истории» сделаем для себя правильные выводы. Опять те же голоса, что вчера звали нас к «священной войне» с коммунистической идеологией, сегодня, чтобы удержать у власти своих хлебодателей, уговаривают нас в том, что «народ от политики устал, не трогайте его». Да, народ устал (помните: «Караул устал!»). У него всё отняли - прошлое, деньги на счету в Сбербанке, веру в будущее и многое другое. Осталось одно - звание «движущая сила истории». И он должен научиться «двигать историю». Этому Ленин и предлагал научить «кухарку».

Но каждый из нас должен осознанно делать это в меру своих способностей. Кто-то будет отстаивать свой социальный интерес в голосовании за кандидата в депутаты или президента, кто-то будет защищать экономические права через профсоюзы, другие сочтут необходимым участвовать в деятельности политических партий. Одни станут парламентариями, кого-то мы увидим в кресле главы администрации, кто-то станет главой государства. Нам важно понять главное - нельзя стать парикмахером, не научившись делать прически, невозможно стать певцом, не имея даваемого природой голоса, бессмысленно заниматься политикой, не зная всех правил этой дорогостоящей «игры».

И всё-таки нужно согласиться с Каспаровым в том, что шахматы лучше политики. Как общечеловеческое лучше группового эгоизма; как радость обладания душами людей лучше владения их волей; как игра творческих сил человека выше игры человеческими судьбами; как согласие и любовь плодотворнее недоверия и вражды; как свет желаннее тьмы.

А к политике нам нужно относиться хотя и с почтением, но как к делу преходящему. Политика есть, пока существует государственность, которая, как известно, в чем-то помогает человеку, но в то же время превращает его в механический винтик. Так сегодня устроен мир, которому еще развиваться и развиваться. До бесконечности.

Если, конечно, мы его не загубим.

«Кустанай», 30 января 1993 г.

Нас «прививают» к чужому дереву

Вы видели старую женщину, брошенную своими детьми и внуками? Ужасное зрелище! Полуразрушенная землянка, на холодном полу из полусгнивших досок древняя кровать с почти истлевшим спальным скарбом. А на всём этом маленькая, скрюченная временем старушка.

И стыдно и больно. Больно от бессилия вернуть всё на несколько десятилетий назад и помочь детям этой женщины прожить другую жизнь. Чтобы уяснили они самое главное - нет большего позора, чем отречение от матери.

Это видение невольно приходит ко мне, когда слышу некоторые оценки нашей 75-летней истории. Нашу Родину называют «эта страна», «страна дураков», народ, который состоит из нас, - «этот народ», «совки». «Кошмарный сон», «тупик истории» и более наукообразное - «выпадение из общего потока мировой цивилизации».

Давайте спокойно, без ёрнических ужимок по поводу нашего прошлого и подхалимажа Западу ответим сами себе лишь на два вопроса. Могли ли мы быть другими? И что плохого в том, что мы такие?

Самый нетерпеливый реформатор современности, выступая на одном из московских заводов, заявил, что на Руси ещё ни одна серьёзная реформа не была доведена до конца и только сейчас есть для этого реальная возможность. «Так неужели мы её упустим?», - допытывался он у рабочих, ни-

как не могущих взять в толк, о чём идёт речь.

А разговор о том, что ещё со времён Петра Великого Россия никак не может освежиться как следует переменами, которые приносят западные ветры. Нельзя сказать, что она не меняется. Но происходит нечто странное - капиталистические ноты и даже целые музыкальные фразы, из которых российские правящие композиторы пытались написать прозападную социально-экономическую симфонию, складывались в какую-то своеобразную мелодию. В ней было больше державности, государственности с сочными восточными интонациями, чем рациональной сухости, математической бесцветности прагматичного Запада.

Россия с её национальными окраинами шла своим путем. Она, как исторический шов, соединяла в единое целое Человечество, разорванность культуры Востока и Запада. Этот шов испытывал на себе все перегрузки в изменяющемся облике этих частей света. Постоянные бомбардировки России рыночными преобразованиями постоянно отражала всё усиливающаяся государственность.

Наверное, именно сложившаяся державная мощь привлекала под её крыло азиатские национальные государства, уставшие от набегов воинствующих соседей. Относительно суровые природно-климатические условия и обширные территории создавали объективную необходимость общинного устройства

жизни и укрепления государственного централизованно-

го управления. Так столетиями в наследственном национальном коде складывалась психология теперешнего советского человека.

Его менталитет соткан из противоречий. Необходимость совместного хозяйства должна была уживаться со стремлением к индивидуальному самоуправлению, делёж «по справедливости» никогда не согласовывался с претензиями людей на большую частную долю, индивидуальная воля никак не хотела подчиниться диктату государства в лице его чиновников.

Октябрь 1917 года нельзя вырвать из общего потока реформирования российского общества. Была сделана очередная попытка радикальных преобразований. По всем правилам марксизма западно-европейская система ведения хозяйства могла быть введена через изменение политического устройства страны.

Большой кровью, но действительно родилась новая государственная система, которая была призвана стать эффективным инструментом в экономических реформах. Что же из всего этого получилось? Как только с НЭПом начали вводиться свободные рыночные отношения (то есть, сильно «запахло» Западом), так государство вновь заявило о себе в полную силу. Уже не сдерживаемое подрезанной революцией буржуазией (хозяевами свободного рынка), оно не только овладело всей экономикой, но и проникло во все поры общества. Так родился тоталитаризм.

Плохо это или хорошо? Для поражённой тогда мировым кризисом экономики это оказалось благом. А для личности? Среда рабочих, технической и творческой интеллигенции пополнилась людьми из других социальных слоев. Они стали носителями переходной (маргинальной) психологии. Она выражалась в желании стабильности, определённости, в поиске поддержки могущественного покровителя. Таковым стало государство. В то неустойчивое время в его могучей опоре нуждалось всё наше общество. Были и недовольные тем, что оно вползало в святая святых человека - в его духовный мир. Эти люди оказывались в ГУЛАГе. Остальные в поисках душевной устойчивости находили утешение в вере возможности счастья в будущем: на небе или на земле.

Могли ли мы быть иными? Сомневаюсь. И правильно ли ставить вопрос вообще: мы были плохими или хорошими? Мы были разными. Мы делали историю, история делала нас. Зная хорошо свою историю, мы впитываем жизнь родительскими корнями. Кто, не познав своих корней, отказывается от них, тот может «засохнуть». Можно, правда, привиться и к другому дереву. Что и пытаются сейчас сделать современные ультралиберальные реформаторы, предпринимая очередную попытку навязать нам ценности другой культуры.

Я выше уже сказал о том, что у нас в реформах всегда, в конечном счете, почему-то укреплялась государственность. Это было замечено новыми реформаторами. Поэтому вначале основной удар был нанесен именно по государству. Ми-

лиция, армия, КГБ, развал СССР. Параллельно уничтожалась прежняя идеология. Октябрь 1917 года провозглашает «отклонением от нормы», все годы советской власти определяются как цепь сплошных беззаконий, коллективизм называется выдумкой бездельников. И, наконец, венец всему: раз «эта страна» и «этот совковый народ» не принимает добром самые расцивилизованные взгляды, значит, быть ему на голодной грани между жизнью и смертью. Вот уж тогда зашевелиятся «советские лентяи». Так ультрарадикалы подошли со скальпелем к святой святых социальной природы человека - его психологии.

Самый верный способ быстрее «выведения» нового менталитета - это помещение яйца с задумками реформаторов в экономический инкубатор. Подогрел его всеобщей бедностью и телевизионными картинками роскоши забугорной жизни, и вот уже вылупился птенец новой формации. Он быстро заработал локтями, взлетел, потом сел в иномарку и поехал по державному базару (простите! - рынку), громко сигналижая об «отстёгнутом» им «лимон» на восстановление храма.

Неужели авторам такой политики не видно, что шоковая обработка нашего общества приводит не к рождению человека нового типа, а к появлению социального мутанта. Обидой на такое государство, поставившее его на колени, выбьются все гены человечности в его национальном наследственном коде. Поэтому сейчас у людей срывается за-

щитный механизм, который проявляется в усилении тяги к «сильной руке». История повторяется.

Если от неё отречься, не относиться к ней с почтением, то нас впредь ждут «шоковые» тупики, в которых мы будем есть друг друга, воистину превращаясь в свалку мировой цивилизации.

«Кустанай», 13 марта 1993 г.

Дорогая не моя столица

Выгоняя из клеток своего организма все накопившиеся человекообразные шлаки, Москва, кажется, стонала бездомными нищими в подземных переходах, англоязычной рекламой на древних русских постройках, витринными полками ларьков, прогибающимися под тяжестью цен на заморские питейные товары. Вокзалы её, похоже, перестали быть местом отправления людей в странствия, а превратились в нечто среднее между восточным базаром и цыганским табором. На лицах людей нет ни ошалелости от радости встречи, ни тоски от горечи расставания - все они словно окаменели в однообразной маске озабоченности. Лишь маленький духовой оркестрик, почти без перерыва играющий полузабытые мелодии, как бы подсказывает, что я приехал хотя уже и в другой город, в незнакомую Москву, но стою ещё на той, на нашей земле. Пробираюсь к музыкантам поближе и... рядом с баритонистом вижу ящичек с помятыми денежными знаками.

Воспоминания тоже стали продаваться.

Иду в станцию метро, ускользя на эскалаторе вниз, на встречу запаху, знакомому с юных лет. Запах метро тоже продается. Теперь уже за шесть рублей. Но то ли это не слишком дорого, то ли уже торговаться устал, я наконец-то окончательно сдаюсь памяти о первом приезде в столицу.

Город, знакомый лишь по картинкам в «Букваре» и «Родной речи», засветился тогда для меня рубиновыми звездами Кремля и разноцветными одеждами туристов, заговорил не из репродуктора, а живым боем курантов и звонками трамваев, позволил в несколько дней историческими местами прочувствовать всю непростую биографию моего народа.

Под равномерный стук колес я увлекся этими воспоминаниями, не улавливая названий объявляемых станций. Лишь однажды, поддавшись общему потоку, вышел из поезда куда-то, перешел в другой, опять поехал и вдруг слышу: «Следующая станция «Пушкинская». Я знал, что это где-то в историческом центре Москвы. Может, и там уже всё не так?

«Выпадаю» из вагона, среди длинных торговых рядов, заполонивших переходы, с нетерпением ищу выход на улицу и, наконец, вырвавшись из подземелья, оказываюсь на небольшой площади.

Прямо на меня смотрит... Пушкин.

Ярко светит весеннее солнце, ещё больше ослепляет своей первозданностью снег, чудом уцелевший на черных ветках деревьев, уставших от ожидания тепла. Но всё это - вместе

с шумом горного потока автомобилей на Тверской и суетой куда-то бегущих прохожих - внезапно уходит, оставив лишь лёгкую досаду на невозможность побыть совсем одному.

Нет, Пушкин смотрел не на меня. Кто я такой, чтобы быть удостоенным внимания Великого Поэта? Он смотрел куда-то в землю, но я не мог избавиться от ощущения, что взгляд его проходит через меня. Мне казалось, что именно сейчас он думает: «Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!» Да и как иначе, если «где прежде взору град являлся величавый, развалины теперь одни».

Пьедестально возвысившаяся надо мной бронзовая фигура с опущенной в задумчивости головой была похожа на вопрос, поставленный историей нашему поколению. Но о чём вопрос? Может, о правильности пути, который мы выбрали в поисках свободы? А выбирали ли мы свою дорогу? Какая нам нужна свобода? И так ли уж она нам необходима?

Ещё не так давно кое-кто посылал нас кое-куда, поощряя при этом словами классика революции: «Верной дорогой идёте, товарищи!». Мы молча кивали головой и... каждый шёл своей дорогой. Но все вместе - в одну сторону. Сегодняшние «великие мыслители» говорят: «Вас обманули - этот путь «в

никуда». И «посылают» нас ещё дальше. Мы чуть-чуть помитинговали и ещё «круче» пошли каждый своим путем. И опять все вместе в одну сторону. Но уже в другую.

Неужели, Александр Сергеевич, Вы нас имели в виду, ко-

гда говорили:

«К чему стадам дары свободы?

Их должны резать или стричь.

Наследство их из рода в роды

Ярмо с гремящими да бичи».

Кажется, совсем недавно мы, набрав полные лёгкие перестроечного воздуха, вначале недоверчиво, затем уверенней и, наконец, радостно закричали: «Свобо-о-о-да!». И она нас «приняла радостно у входа». Вначале мы получили свободу избирать и быть избранными. Многие не преминули ею воспользоваться. О чём сегодня, похоже, сильно сожалеют. Но тогда они настолько одурели от своей свободы, что, нисколько не думая о грядущей расплате за неё, настырно порулили в сторону суверенизации. Так нас «осчастливили» свободой иметь свой суверенный райский шалаш.

Доброхоты из-за дальнего кордона подсказали, чего ещё для полного счастья не хватает. Нам, «затюканным» тоталитаризмом, сообщили, что нет свободы у людей, если нет свободы у цен. Правители, поднаторевшие на показухе, дурным новациям всегда были рады. Так «свободные» цены освободили нас ещё от одного «бремени» - накоплений на сберкнижках.

Одновременно мы получили ещё большую свободу быть ограбленными, торговать жвачками, автомобилями, куртками, сапогами, телом, совестью, Родиной. Свободы на душу населения стало так много, что эта душа истошно запросила

сильной президентской власти.

Идея в наших условиях вполне разумная. Правда, её установление почему-то непременно связывают с ликвидацией Советов. Говорят, надоело всё. «Дежурство» депутатов у микрофонов на сессиях и съездах «всемирно» избранный президент решил отменить. Подсказки аппаратных слуг, отцеженные фильтром личной преданности властелину, оказались милее жесткой критики представителей народа. Свободы мнений стало слишком много на одну президентскую душу.

Похоже, демократизация, начатая с освобождения слова, на ней и скончается. Свобода слова, пришедшая к нам с гласностью, как-то незаметно из возможности знать правду обо всём превратилась в свободу брани и обмана.

Помните, как всё начиналось? Вначале нам сказали, что мы «застоялись» и нам нужно обновляться. Все согласно кивнули головой этой «интересной мысли» и начали приставать друг к другу с наивным вопросом: «Ты перестроился?» Когда слышали в ответ гордое «мне перестраиваться не надо - я и так честный», то все вместе недоуменно посмотрели на «архитекторов перестройки». У них не заржавело и бригада интеллектуалов, самых свободных от идеологических комплексов, выдала диагноз: «Этот народ болеет Павликом Морозовым, Пашей Ангилиной, Зоей Космодемьянской и Олегом Кошевым». Недостаточно? Тогда виноваты ещё Горький, Островский, Шолохов, Алексей Толстой.

Опять мало? Добавим в этот список Юрия Гагарина. С 1985 года кто-то из них объявлен «не героем», кто-то конъюнктурщиком, кто-то сумасшедшим. И, конечно же, «этот» народ хронически «болел» Лениным. Надо лечить.

Но как бы ни были окрашены прививаемые людям идеалы - всё искусственное уносится ветром времени, а настоящее общечеловеческое даёт здоровые всходы, которые, вызревая, семенами из поколения в поколение множат добро. Поэтому атака на названные имена превратилась не в борьбу с ложными идеалами, а с идеалами вообще.

К пониманию абсолютной свободы каждый человек и каждое поколение должны пройти свой путь. Вы, Александр Сергеевич, видите, как много мы добыли себе свободы. Мы просто купаемся в ней. Но мы, оказывается, не умеем плавать и поэтому уже захлёбываемся. Море свободы оказалось со множеством подводных рифов, о которые разбился уже не один житейский корабль. Мы постоянно ищем себе опытного лоцмана. Но многие из них не имеют своей карты и надеются на рисованные в заморских типографиях (хотя наши моря в чём-то и похожи, на этих картах отражается рельеф другого дна). Ко всему прочему люди эти ещё и очень азартные. Их стихия - штормящее море, в котором слышен лишь их властвующий голос и где неумение всегда можно списать на козни сатанинских сил.

А ещё мы боимся бунта на корабле. Вы ведь, Александр Сергеевич, хорошо знаете, к чему привела пугачёвщина. Мы

пережили времена ещё более страшные. Но нас всегда выручал оптимизм, и мы выживали вопреки воле многих наших политиков. Надеюсь, и на этот раз выплывем.

Москва, Москва... Города, если их никто не разрушает, стоят веками. Люди, появляясь на свет божий, меняют их облик, вкладывая в них свою душу. Москва для русского человека воплощение души его нации. Я так хочу уберечь свою душу от отравления валютным угаром и от унижения иноземными «гуманитарными» подачками, от растаптывания беспредельной наглостью жирующих мздоимцев.

«Кустанай», 10 апреля 1993 г .

Боль Москвы не суверенна

И вновь пролилась кровь. Дело специальных органов и комиссий выяснить степень вины участников первомайского кровавого столкновения в Москве.

Какие бы цивилизованные методы в политике ни использовались, имущественное расслоение общества, основанное не на таланте и трудолюбии, а на открытом грабеже и обмане, приводит к такому противостоянию, когда кровь людская для лидеров противоборствующих сторон превращается в последний аргумент доказательства своей правоты. Драка в парламенте перешла в уличную бойню.

Трещина, разделившая общество на бедных и богатых, уже превратилась в пропасть, куда провалились все наши надежды на лучшие времена, навеянные романтизмом пер-

вых лет перестройки. Шквал изошрённого вранья, обрушенный на оделённый гласностью народ, помог новоявленным политикам России добиться своей цели - проводить те реформы, которые им любо-дороги. Радикализм в политике привел «за ручку» радикализм в экономику, который, доведя «до ручки» большую часть общества, бросает её на своих поводырей, В этой ситуации компромиссы, движение навстречу друг другу различных политических сил - гарантия от баррикад. Неужели арбитром в согласовании интересов людей по-прежнему будет сила?

«Кустанай», 8 мая 1993 г

Нельзя нам быть марионетками

Недавно встретил своего знакомого, человека преклонных лет. Поговорили о болезнях, которые окончательно обосновались в его теле и зацепились за самую главную «болячку» — политику. «Ельцин — оно конечно... Я вот всё слушаю, читаю... Ничего понять не могу. Но бензин-то в России всё-таки подешевле, чем у нас», - подводит он черту под своими не очень внятными раздумьями.

Первые итоги правления принято подводить через 100 дней и один год. Это позволяет оценить то, как придерживается вновь избранный лидер своих предвыборных обещаний. Какой они дают эффект, может показать более длительное время. Однако процессы, происходящие на территории бывшего СССР, настолько крупномасштабны, болезненны,

что невольно возникает необходимость постоянного поиска ответов на вопросы «куда мы идем?» или «куда нас ведут?».

Не стану лишним раз оправдываться по поводу того, что пишу о проблемах другого государства. Инициаторы развала СССР знали, что делали. Придя к неограниченной «сверху» (со стороны Союза) политической власти в России, они оставили за собой экономическую власть над всеми бывшими партнёрами по бывшей союзной экономике. И мы теперь, анализируя процессы в Казахстане, невольно присматриваемся к происходящему у могущественного соседа

Первый раз Ельцина я увидел по телевидению выступающим с трибуны XXVII съезда КПСС. Мне понравилось его смелое и конкретное выступление. С тех пор я очень внимательно слежу за тем, что он говорит и что делает. Не знаю, ставил ли он тогда перед собой цель «перевернуть мир», но в большую политику он вошёл не тихоней. Время уже тогда на нём сделало свой выбор.

С тех пор так много утекло воды, что все мы оказались на дне перестроечного моря, завязнув по самые уши в донном иле экономических реформ. Уже все «архитекторы» и «прорабы», распрощавшись с пропагандой «нового мышления», для тихого осмысления содеянного прилипли к разным фондам, центрам и ассоциациям. И лишь Борис Николаевич по-прежнему стоит на шатком плотике народного доверия и произносит всё те же слова: «свобода», «демократия», «народ», «вхождение в мировую цивилизацию» и т. п.

Спасибо телевидению: уж каким Бориса Николаевича мы только не видели, и, откровенно говоря, неинтересно писать о нём самом. Другое занимательно - как же этот «плотик» его до сих пор на плаву держит?

И в самом деле? Что получили люди за годы его правления? На одной чаше весов - свобода, на другой - спад производства, сильное расслоение людей по размерам доходов, политическая нестабильность, рост преступности, нравственное разложение общества. Получается так, что можно согласиться быть даже ограбленным, лишь бы стать свободным. Может, свободному человеку легче убежать от грабителей, которые есть в любом обществе?

Это вроде не совсем так. Иначе как объяснить усилившуюся тягу к «сильной руке». А сильная рука вот она - Борис Николаевич. Одна москвичка так оценила своего политического кумира: «Это ж мужик. Настоящий мужик!».

Что ж, нам, мужчинам, нужно честно признаться - пообмякли мы в бесконфликтные застойные годы. Со всем миром, соглашались. И лидеры наши предпочитали закулисные кадровые манёвры, а не открытую честную борьбу. Особенно ярко это проявилось после августа 1991 года. Вроде и небольшая волна пошла от «белодомовских баррикадёр», да и пены в ней было много - ан нет, трухнули наши лидеры и сдались без боя. Не то, что Ельцин. Как только становится ему худо, он сразу же предупреждает: «Обращусь к народу!» И народ всё ждал, когда же он к нему обратится. Нако-

нец довели человека - обратился. Потом был референдум. Народ, как ему и положено, поддержал страдальца. На очереди ельцинская монархическая Конституция. И ведь опять поддержат - можете не сомневаться. Он ведь от «проклятых партократов» сам до сих за нас страдает, нас о чём-то постоянно спрашивает, советуется. Правда, не обо всём, да и делает на так, как мы советовали, но это ему мешает окружение. Царям на Руси всегда царедворцы мешали. Но то, что у нас спрашивает - это хорошо. Это уже запах демократии.

Кто-то же хотел её посмотреть? Нет, это пока её мираж. А что вы могли ещё увидеть над выжженной тоталитаризмом пустыней?

Подобное «заправление мозгов» мы слышим все эти два года. Что же происходит на самом деле?

Если внимательно присмотреться к трансформации основных идей Ельцина (от реформ без повышения цен до «свободных цен», от «власти Советам» до «долой Советы», от демократической республики до диктатуры), то возникает противоречивое чувство. С одной стороны, за изменением подходов видится не переосмысление прежних идей с учётом практики реформирования, а заранее разработанная система с изначально обозначенной конкретной целью, к которой при помощи Ельцина мы идём по чётко выверенным этапам. С другой стороны, я не нахожу в этом человеке хотя бы каплю того интеллектуального потенциала, который был бы способен всё это хотя бы придумать.

Не могу избавиться от ощущения, что его кто-то постоянно «накачивает» идеями, как психотропными препаратами. Лишь изредка он приходит в себя и совершает так называемые непредсказуемые действия. Вот тогда он действительно предстаёт перед нами самим собой.

Не раз уже говорилось о его разрушительной политической силе. Когда нужно что-то разрушать, он взрывается мощной активностью. Может, он и нужен такой, чтобы быстрее избавиться от того, что нам мешает? Кто-то готовился к длительной осаде в проведении экономических реформ, а Ельцин решил пробивным тараном либерализации цен разрушить экономическую систему и затем «естественным» путём создать рыночную экономику. Цель такого подхода одна – сформировать у людей рыночную психологию. То, что наше общество сейчас нравственно разлагается, это не следствие прежней жизни и продукт этого переходного периода. Звериное начало, ранее подавляемое нравственностью, сегодня работает на нас, спасая наше физическое существование.

Но для ельцинистов это не существенно. Им важнее лишь то, что в обществе установится культ купли-продажи и тогда можно спокойно пополнять прежние награбленные запасы. Этого результата ждут и «забугорные» воспеватели нашей перестройки, чувствует запах наживы и наша доморощенная «теневая» и номенклатурная буржуазия. Пока наши «борзописцы» смеялись над интернационализмом, которого вместе с пролетариатом давно уже нет в природе (смеять-

ся над призраками всегда не смертельно) в хорошо отмобилизованный интернациональный полк буржуазии влился насупенный отряд наших. Они ждут не дождутся, когда же можно будет поделить между собой всё бесхозное «общенародное» достояние. А мы будем ждать от них всемирной благодати.

Борису Николаевичу осталось поставить последний штрих - принять Конституцию «под себя». Это устраивает его благодетелей, ибо тогда позволит безболезненно решать их проблемы. Как только процесс станет необратимым, президент-зомби никому не станет нужным...

Ну, а народ? Что ж народ... Он разный. Одному нужен бензин для «Запорожца», другая истосковалась по настоящему мужику, третьи, во всем разочаровавшись, ищут успокоения в неизведанных уголках своей души или на небе. Возможны и другие варианты. Мы есть такие. К нашим мечтам, надеждам всегда кто-то примазывается, всегда пытается что-то отнять в обмен на иллюзорные цели. И всякий раз мы оказываемся обманутыми.

Можно ли этого избежать? Не знаю. Помню лишь об одном - если мы вслед за своими лидерами будем превращаться в легкоуправляемых безмозглых кукол, для чего тогда мучились, боролись, погибали десятки поколений наших предков?

«Кустанай», 12 июня 1993 г.

Он будет стоять до конца

Президенты Казахстана, Узбекистана и России пришли к согласию о сохранении рублевой зоны. Но есть в правительстве РФ и другие мнения.

Помните? Еще не так давно на страницах газет частенько появлялись групповые фотографии, на которых члены правительства фиксировали для истории свои лица после подписания очередного договора. Глядя на их стандартные выражения, я пытался угадать, о чём они думают в эти минуты. Безуспешно. Сказалось отсутствие придворного опыта. Но гласность нам позволила хотя бы одним глазком заглянуть на политическую кухню и кое-чему научиться. И теперь, если бы в природе существовал снимок с правительственными делегациями России и Казахстана, умно смотрящими в фотообъектив перед тем, как «обмыть» только что подписанный договор о дружбе и сотрудничестве, то я бы теперь наверняка догадался, какие мысли гуляют в голове хотя бы одного человека - российского министра финансов Бориса Фёдорова. А дума у него была бы свойственная для финансиста: «Договор договором, а табачок - врозь!». И рука бы в кармане изображала не свойственную для этого интеллигентного человека фигуру из трех пальцев.

Сомневаетесь? Тогда все по порядку.

Однажды теплым весенним утром деловые люди по обе стороны полупрозрачной российско-казахстанской границы, очнувшись от вязкого сна, в очередной раз почувствовали

тряску от мощных толчков, идущих из глубинных слоев общества. Опять пришёл в движение мощный пласт - финансовая система. Центральный банк России перестал проводить финансовые операции с Казахстаном. Причина - большой долг нашей республики.

Запрет был не первым, поэтому оптимизм (единственное, что у нас ещё осталось от прежних времен) нам предательски нашептывал: «Опять политики играют финансовыми мускулами. Побалуются и бросят».

Не бросили. Не подействовали на россиян ни результаты подсчетов казахстанских финансистов, по которым «ещё неизвестно, кто кому больше должен», ни договорные декларации о сохранении единого экономического пространства и рублевой юны, ни переговоры руководителей правительства. В конце концов, казахстанский премьер-министр Сергей Терещенко, специально по этому поводу приехавший в Москву, так и не смог встретиться со своим коллегой - Виктором Черномырдиным. Скорее всего шефа, склонного к компромиссам в этих делах, «оттёрли» его боевые замы Б. Фёдоров и В. Шумейко, взяв переговоры на себя. Они и вынесли окончательный вердикт - «своя кожа рубахи дороже».

После этого мы почувствовали, как глухие толчки переросли в катастрофу - президент Нурсултан Назарбаев объявил о курсе на «выживание Казахстана своими силами». Это потрясение кое у кого даже вызвало сотрясение мозгов, в которых родилась больная мысль: «Правительство Терещен-

ко - и отставку!»). Может, оно и заслужило такой участи, но только не по этому поводу.

В народе говорят: «Глухому песен не пой - не услышит». Очевидно, некоторым «глухарям» в российском правительстве больше нравятся песни не с Востока, а с Запада. Меньше всего хотелось бы думать именно так и наконец-то поверить, что теоретики, ставшие практиками, спасут нас от прозябания на сырьевых задворках цивилизации. Но что-то не получается. Оснований для таких сомнений становится всё больше и больше. Последнее из них - заявление Б. Федорова о том, что Россия инфляцию может обуздать лишь тогда, когда все республики бывшего СССР введут свою национальную валюту. А потом, дескать, можно серьёзно говорить о совместной рублевой зоне.

Самое интересное то, что прав этот доктор наук. Прав как министр финансов России. Большая часть наличности, которая там печатается для продажи её государствам рублевой зоны, в конечном счёте возвращается обратно в обмен на вывезенную товарную массу, увеличивая разрыв между рублями в собственном обороте и товаром, то есть подхлёстывающая инфляцию. Подобную интервенцию Россия может остановить лишь суверенизацией своих денег. Тогда она устанавливает контроль над своим рублем, чем облегчается и возможность достижения равноценного обмена с другими республиками.

Всё правильно. Кроме одного. самого главного. Б. Фё-

доров в дискуссиях со сторонниками различных видов денежных реформ любит говорить о том, что деньги - это все-го-навсего бумажки и из финансового кризиса можно выйти не при помощи их замены, а лишь реформами в экономике, введением рыночных отношений. И опять прав. В общем. А в частности? Если за рублями стоит экономика, то почему бы не задуматься о том, что рублёвое пространство создавалось и до сих пор сохраняется только потому, что в рамках бывшего СССР сформировалась единая экономика с устоявшимися технологическими связями. Разрывая рублёвую связь, мы разрываем технологию. Результат будет один - свёртывание производства и даже его остановка.

За примером далеко ходить не надо. Не буду вспоминать Кустанайское объединение «Химволокно», полностью работающее на российском сырье и продающее туда свою продукцию. Его можно (правда, с большими потерями) перепрофилировать. Нагляднее картина с энергоносителями. Российские поставщики электроэнергии, газа и нефтепродуктов неоднократно предупреждали нас о прекращении поставок (и уже делали это) из-за неуплаты. Кустанайские потребители этих ресурсов неплатежеспособны в основном из-за проблем, связанных с прохождением денег в Россию и обратно. Они не могут купить сырье, полуфабрикаты и сбыть выпускаемую продукцию.

Нет энергии - нет производства. Кому выгодно менять сложившееся разделение труда? Политикам, для которых

провозглашенная суверенизация - самоцель, а не средство для улучшения жизни суверенного народа? Конкурентам бывшего СССР, которым его развалины - лучшее место для базара где можно выгодно продать свой товар? Нашим купцам, сколачивающим своё состояние на продаже иноземной продукции? Или мы все от этого выигрываем? «Сникерс» привлекательнее отечественных шоколадных батончиков, вкус которых мы уже забыли. Значительно лучше нашего и многое другое что мы в последнее время попробовали. Это с голодухи. А привыкнем - тогда что? Мы уже объелись «видаками». А свои, получше, производить не можем - бедноваты. На деньги и на таланты. И те и другие утекают во все стороны. Туда, где есть производство. Как материальных, так и духовных ценностей. А у нас всё умирает: и производство, и наука, и культура...

Мне многое нравится у американцев. Но разве мир выигрывает от того, что он весь будет «маде ин Америка»? В любом деле нужна здоровая конкуренция. Это давно известная истина. Как и та, что каждый конкурент стремится стать монополистом. Почему же те люди, которые в начале перестройки провозгласили приверженность многообразию, теперь так варварски разрушают существующую для этого основу?

В жизни бывает так, что у супругов что-то не получается в совместной жизни. Они решают пожить немного врозь. Если у них глубокие чувства друг к другу, то вскоре они опять

сходятся, преодолевая всё, что им раньше мешало. Временный развод не так болезнен, если нет детей. С детьми нужно искать другие способы взаимопонимания. Получается так, что некоторые политики чувствуют себя бездетными. В российском руководстве есть люди, которые более реально оценивают ситуацию. За ними будущее.

В конце концов, мы можем создать свою, более автономную экономику. У нас для этого многое есть. Но обойдётся это большим потом, а может, и кровью. Сменится экономическая и политическая ориентация. Захочет ли потом Казахстан со своим тенге вернуться в рублевую зону? И что это будут за отношения, если в трудную минуту сильный бросил слабого!

И ещё. Казахстан не перенасыщается рублями, как Россия, а темпы инфляции не ниже. Значит, дело в другом. Может, это больше связано с шокowymi методами проведения реформ, которые в такой сложной стране, как СССР, разваливают производство быстрее, чем запускают рыночные механизмы?

Президенты Казахстана и Узбекистана в очередной раз договорились с Борисом Ельциным о сохранении рублёвой юны. Но есть ещё в российском правительстве министр финансов Федоров, который перед этим событием без всяких вибраций в голосе заявил по телевидению: «Я буду стоять до конца». (Правда, не уточнил - до чьего конца). Неужели опять добрые намерения уйдут в песок особого мнения про-

американского окружения президента великой державы?
«Кустанай», 14 августа 1993 г.

Куда ведут «радикальные действия»?

Везёт России на божьих посланников. Почти все народы мира уже перешли на вполне земные формы правления, и только одной стране Всевышний шлёт и шлёт своих наместников. Президент Борис Ельцин после своего избрания обрадовал своих российских соплеменников тем, что снять его теперь сможет «один только Господь Бог». На прошедшей неделе, 21 сентября, он решил в очередной раз проверить на деле этот сомнительный тезис. Для чего и объявил о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета, которые в своё время избирались россиянами и которые всё больше путались под его реформаторскими ногами.

Конституционный суд признал, что эти действия грубо нарушают Основной закон, и это стало основанием для отрешения Ельцина от президентского поста. Верховный Совет не преминул этим воспользоваться, поручив выполнение обязанностей главы государства отстраненному Ельциным вице-президенту Александру Руцкому. А в подкрепление ему снарядил и своих руководителей силовых министерств.

Не поддержал открыто факт нарушения Ельциным Конституции ни один глава других государств. Президент США одобрил лишь «выбор» своего российского коллеги, не уточ-

няя пока, какой именно. Другие положительно отозвались об идее избрания нового парламента, третьи — лишний раз напомнили миру, что они сторонники ельцинских реформ. Всё это, конечно, завуалированная поддержка антиконституционных действий и лишний раз обнажает одно весьма странное обстоятельство. Оказывается, руководители государств далеко не ближнего зарубежья, которые определяют политический климат во всем мире, больше заботятся о счастье российского народа, чем его родной Верховный Совет.

На истинную цель «радикальных действий» указывает и ещё одно, скорее всего, неслучайное, обстоятельство. В последнее время усилились процессы по сближению республик бывшего Советского Союза. Только что прошли форум народов СССР, где был провозглашен курс на восстановление республик, и совещание депутатов России из Советов всех уровней, на котором прозвучали предложения об избрании парламента стран СНГ. А 24 сентября готовилась встреча глав государств СНГ (почему-то перенесенная с седьмого сентября), на которой должны были принять окончательное решение — быть содружеству на деле, а не на бумаге, или каждый пускается в самостоятельное плавание.

Что теперь получается после того, как Москва занялась более «насушным» делом? Смотришь телевизор, слушаешь радио и невольно ловишь себя на мысли: «Как это всё напоминает август-91». Те же лица, те же заклинания о демократии, и баррикады, возможно, будут возводить из тех же кам-

ней. И ещё один знакомый штрих - всё это происходило накануне подписания союзного договора. Тогда политическое представление закончилось развалом СССР, и, в конечном счете, экономики. А сейчас?

«Кустанай», 25 сентября 1993 г.

В России решается судьба не только России

Уже несколько дней Россия, уставшая от политических разборок в верхнем эшелоне власти, сжалась в тревожном ожидании дальнейших событий: что ещё придумают их избранные? «Композиторам», пишущим музыку для русского народа, и их любимому солисту явно не по душе пришлась аранжировка своих произведений, которую сделал депутатский «хор пионеров российской демократии». Ни одна из сторон не думает, что тупик, в котором оказались политики этого государства, был определён самим приходом их к власти.

Рассуждения некоторых придворных аналитиков по поводу того, что теперешний депутатский корпус сдерживает реформирование страны потому, что он был избран при прежней, коммунистической однопартийности, не выдерживают критики. Достаточно вспомнить, что два основных дестабилизирующих фактора созданы именно ими.

Первый связан с лидером - Борисом Ельциным. Вначале - избрание его председателем Верховного Совета, затем - введение президентского поста (что, в силу наших традиций,

всегда чревато единовластием) и, в конце концов, - содействии ему во вступление в президентство. Второй момент - основы экономической политики, последствия которой привели к противостоянию, также были заложены Съездом народных депутатов.

Политический тупик - явление естественное для любого общества. Как и желание всю вину за его возникновение возложить на своего соперника. С этим всё ясно. Важнее увидеть, какая из противоборствующих сторон несёт в себе потенциал дальнейших прогрессивных изменений.

Сейчас часто можно услышать: «Надоело всё! Нужно переизбрать и тех, и других». Но мало кто задается вопросом: а кто же будет избран? Надеются на некую «третью» силу. Есть ли она?

У идеи проведения досрочных выборов давно уже не было противников. Разногласия возникли лишь в возможности одновременного переизбрания президента и парламента, а также - формы парламентского правления. Тогда зачем понадобилось президенту России, нарушая Конституцию, распылять своих оппонентов в Верховном Совете и Съезде народных депутатов с политической арены? Кто всерьёз примет его доводы, что это стабилизирует общество. Правда, если в качестве критериев выбрать количество митингов и забастовок, то с Борисом Ельциным можно согласиться. Но тогда и одновременно уменьшение преступности, которое вызвало у него радостное удивление, можно отнести к поддержке

жуликами противоправных действий руководителя страны. Неужто Бориса Николаевича устраивает его роль в качестве их «крёстного отца»?

Тогда в чем дело? А в том, что это начало предвыборной борьбы. Борис Николаевич начал её с исполнения своего коронного номера - крутануть политическую гайку до отказа, а затем медленно отпустить её до компромисса. Выигрыш в том, что «ключ» всегда остаётся в его руках. Замечено, что как только почва начинает уходить из-под его ног, «гайковёрт» приходит в движение. При этом все ждут, что вот-вот «сорвётся резьба» и разразится гражданская война. Невольно думаешь, что так может действовать или полоумный, или политический авантюрист. Люди, подталкивающие его к таким шагам, прекрасно понимают, что гражданская война в России сейчас невозможна. Хотя они громче всех и кричат о её начале, испугом подталкивая общество к согласию на какую угодно, но лишь бы «твердую» властью. И война, конечно же, не состоится благодаря «мудрым и взвешенным» шагам «всенародно избранного».

Спрашивается - кто набирает очки к выборам?

Мало кто обратил внимание на группу депутатов из 10 человек, сторонников Ельцина, которые сразу же после разгона Верховного Совета поддержали его и создали некую консультативную группу на период до выборов. Ясно, что они чаще других будут мелькать с «консультациями» на телеэкранах, в прессе и вскоре вдруг все обнаружат их... во вновь

избранном парламенте.

Ещё одна цель, которая «выжимается» из создавшейся ситуации, - дискредитация противников. Окружению Ельцина выгодно сейчас подталкивать своих оппонентов к различным провокациям, пользуясь их информационной изоляцией, распространять о них заведомо ложные слухи и т. п.

Разница в датах проведения перевыборов парламента и президента продиктована, конечно, не боязнью оставить «родную» державу без власти. Ведь есть еще правительство, которое сейчас, выдавая одно постановление за другим, проводя совещание за совещанием, ярко демонстрирует свои властные возможности. Секрет кроется в том, что Ельцин, используя свои возможности, вначале хочет помочь своим сторонникам проникнуть в парламент, чтобы затем они ответили ему тем же. Миру пускается в глаза пыль о свободных выборах. Кто же может сомневаться, что они будут таковыми, если в стране «самые свободные» пресса и теле- радиоэфир, если там так много граждан «свободных» от денежных знаков и они за их жизнеутверждающий хруст в кармане могут проголосовать хоть за черта.

И о какой «третьей» силе после этого можно говорить? Наверное, уже всем ясно, что в России идет борьба не между Б. Ельциным и Р. Хасбулатовым. Столкнулись две тенденции, определяющие будущее этого народа. Одни зовут к «вхождению в мировую цивилизацию» через растворение в ней (т. е. превращению страны в сырьевой придаток), другие

- через сохранение своей самостоятельности, через обогащение мировым опытом.

Читатель вправе задать автору этих строк проникновенный вопрос: «А нам-то в Казахстане какое дело до их выборов?». Отвечаю - никакого. Нас должна волновать только одна «малюсенькая» деталь - кто там будет править. Мой неугомонный читатель напомним: «Так ведь республика наша суверенная». И с этим трудно спорить. Действительно, мы себя уже уговорили, что государство наше суверенное. Вот только экономика не поддается уговорам. Потому и собрались 24 сентября в Москве главы правительств стран СНГ для заключения Договора об экономическом союзе. И обрадоваться бы этому долгожданному событию, но мешает одно настораживающее обстоятельство – тот правящий режим, который разваливал всё с декабря 1991 года, теперь пытается поставить себе в заслугу заключение этого договора. Борис Николаевич прозрел? Сильно сомневаюсь. Давайте кое-что вспомним для прояснения ситуации.

После августа 1991 года ельцинская команда воцарилась в руководящих структурах СССР и начала кампанию по дискредитации так называемых партийно-номенклатурных заповедников. Так началось «победоносное шествие демократии» из Москвы на национальные окраины. Не получилось. Лидеры республик, прикрываясь «национальными особенностями», дали отлуп. Раз у «демократов» не получилось установление своего влияния политическими методами, то

они решили перейти к экономическим. Не сомневаюсь, что когда команда Ельцина организовала в Беловежской Пуще под известным документом подписи трех сановитых славян, то в воздухе витала мысль о руководителях непокоренных республик: «Вы к нам ещё придёте!».

И пришли. Но перед этим то закрывались, то открывались задвижки у нефте- и газопроводов, то вводились таможи, то приостанавливались взаиморасчеты, и, наконец, появились деньги образца 1993 года. Всё это маскировалось фейерверком демагогии о ликвидации «советской империи» и аккомпанементом мыльных пузырей суверенизации, пускаемых националистами всех мастей. Одни - руководители предприятий, частные предприниматели в это время «мотали нервы на кулак», устанавливая «прямые хозяйственные связи», президент Казахстана выдвигал одну за другой объединительные инициативы, другие - делили флот, воевали, ползали на коленях перед иностранцами с сакраментальной просьбой: «Дай миллиончик, дай!».

Все кончилось тем, что российский рублевый «аркан» обуздал всех «суверенных» мустангов и они, почти не «взбрыкивая», появились в Москве в самый подходящий для ельцинских гвардейцев момент. Борис Николаевич так искренне благодарил гостей за поддержку своих антиконституционных действий, что даже жаль стало уважаемых президентов, оказавшихся в двусмысленной ситуации. Боюсь, что подписи Ельцина под Договором об экономическом со-

юзе, оказавшемся в непонятном статусе с точки зрения российской Конституции, будет сильно дразнить «суверенизаторов» при ратификации этого документа в республиканских парламентах.

Беспокоит глав государств, наверное, и ещё один принципиальный момент - какого типа этот союз будет на практике. То ли равное партнёрство по примеру европейского сообщества, то ли все равны, но в центре - Россия. Все эти банковские «игры» привели республику ко второму «варианту. Но что такое - Россия в центре? Если политику - на второй план и вести хозяйство как в едином экономическом комплексе - это одно, если это диктат российского «реформаторского зуда», когда «согласование интересов республик выражается лишь в переносе сроков начала очередных гайдаровских экспериментов на людях, то это другое.

Судя по действиям и последним заявлениям российских правителей, скорее всего, пойдет опять второй вариант. Будет ли в таких условиях союз жизнеспособным? Согласятся ли не это республики?

В итоге, как видим, нас подвели к выбору лишь двух вариантов: либо врозь, либо под экономический диктат ельцинской администрации. Кто подвёл? А тот, кому выгодно управлять своим бывшим конкурентом в лице СССР для своих нужд.

Потому-то нам и не безразлично, кого россияне выберут своими политическими лидерами.

Хотя популярна и такая точка зрения: «А почему бы нам и не «отдаться» Западу?» Признаюсь - и я, грешным делом, мечтаю попользоваться всеми бытовыми радостями, которые дает техническая цивилизация. Но давайте на проблему посмотрим с другой точки.

Западному обществу, перенасыщенному прагматизмом и идущему по технотронному (тупиковому для духовности) пути развития, постоянно нужны два вида сырья: интеллектуальное - мозги ученых и инженеров, а также материальное, дающее технике энергию, металлы и химические соединения. Если в последние десятилетия оно нашло новые способы улучшения общественной самоорганизации (во многом используя опыт советского общества), чем и предохраняет себя от крупномасштабных политических кризисов, то в отношении сырья (а его нужно всё больше и больше) потрясения испытывать ещё приходится. Весь «нецивилизованный» мир уже приспособлен для потребления развитыми странами. Осталась та самая часть, где был Советский Союз. Для его использования эффективны два способа: либо обессилить его самостоятельность дроблением на мелкие кусочки, либо привести к власти послушный режим. Установка такова - «пусть они (то есть мы) добывают сырье, тратятся на это, а мы за «погремушки» будем его по дешёвке покупать и потреблять».

Кто-то сочтёт эти заметки подстрекательскими. Что ж, остается только пожалеть тех людей, гражданская и интел-

лектуальная трусость которых не позволяет им вырваться за узкий горизонт политиканства. Пусть они будут счастливы хотя бы в своей обывательской оболочке.

Ну а те, кто посмелее, те, на ком всегда держится любое общество, должны понять, что мы стоим перед великим историческим выбором. Либо повторим биографию туземцев, испытывая невероятный экстаз от яркого «ожерелья» из «сникерсов», видеодвоек, иномарок и прочих «цивилизационных» достижений, ублажающих желудок и сковывающих наше тело панцирем неподвижности. Либо осознаем, что представляем другой, альтернативный путь развития, насыщающий человечество духовностью, без которой люди превращаются в бездушных киборгов, человеко-роботов, безжалостно уничтожающих своих создателей. Если гуманисты на Западе, делая их героями фантастических произведений, тревожатся за будущее человечества, то почему мы об этом не должны думать?

"Кустанай», 2 октября 1993 г.

Динамит иногда взрывается

Бедность. Ни разу не слышал, чтобы кто-то ею гордился. Но тогда почему у человечества ещё есть такие места, где бедность не прячется стыдливо за изысканными лохмотьями, а вопиет о себе голодными обмороками старушек в очередях за ливерной колбасой, с укоризной смотрит на нас стоптанными башмаками представителя цвета нации - ин-

теллигенции и съедает газетной мольбой к спонсорам, могущим оплатить дорогостоящее лечение медленно умирающего ребенка?

Кто эти люди, ставшие неплатежеспособными в критические для себя дни? Неудачники?.. Лентяи?.. Неизбежный побочный продукт, от которого людское сообщество, рвущееся к вершинам плотского благополучия, непременно должно избавиться? И что это за народ такой, который отдает некоторую свою часть под экономический молох, превращая ее в удобрения для преуспевающих жизнелюбов!

Из уст современных предприимчивых людей часто звучат слова о том, что сейчас каждый мужик, который имеет голову на плечах и крепкие руки, должен вертеться, а не ныть о своём нищенстве. Тезис этот, конечно же, бесспорный. Но примитивный. Примитивнее нищего алкоголика, стоящего с трясущейся рукой для милостыни. У него-то наверняка прошлое наполнено драматизмом. А какая история у идеи «на жизнь надо зарабатывать»? Это знали ещё в каменном веке, правда, понимал её каждый по-своему. Возникшее ещё при дележе убитого мамонта на этой почве разномыслие, постепенно привело общество к делению на «белую кость» и чернь.

Дело здесь, очевидно, не только в злой воле отдельных личностей или нескольких людей, как нам иногда преподносит пропагандистская машина той или иной политической группировки. Это упрощённый взгляд на жизнь. Очевидно,

что-то в нашей жизни есть такое, что не позволяет каждому из нас добиваться таких результатов, чтобы и обществу польза была, и сам ты становился богаче. Но «святая простота» нынешних реформаторов подсказала им хорошенькую мысль - пока ты экономически не свободен, о счастье думать не моги!

Нашему народу не привыкать откликаться душой и телом на различные призывы. Так и живем. Не обошли стороной и очередное обращение «Все - в рынок!». И, как у нас заведено, тысячи юношей и девушек решили стать кузнецами собственного счастья. За ними потянулись и почтенные отцы семейств. Правда, не оставляя своих начальствующих кабинетов. Вертеться в насиженном кресле оказалось доходнее. И зашелестело наше общество денежными знаками разного образца, наивно полагая, что в верчении вокруг «купил-продал» - основа процветания.

А производство в это время катастрофически падает.

Кто-то скажет: «Ошибочка вышла. Нечаянно развалили СССР и искривили генеральную линию реформ». Дескать, ещё надо немножко потерпеть - кручёные парни, которые пришли из госсектора в бизнес, скоро восстановят хозяйственные связи и понесёмся на всех парах по рыночным дорогам.

Не получается. Тогда напрашивается вывод: если национальное богатство больше проедается и переплавляется в доллары, то как не появиться бедным? Бедность не витает

в воздухе. Она вселяется в людей. И сразу же начинает их разрушать. Кто не шибко гордый, тот начинает просить милостыню. В любой форме. В прибавке к зарплате, хотя работать стал меньше, в различных льготах. Кто не хочет так просто расставаться с человеческим достоинством, тот начинает размышлять о зигзагах социальной справедливости.

Так в подвалах общества складывается динамит, который ждёт не дожждётся детонатора, чтобы, взорвавшись, выполнить свою природную миссию. Оставшиеся в живых, конечно, соберут обломки и построят новое здание, но горе им, если они во взрыве будут обвинять только детонатор.

Была большая надежда на крутых ребят в частном секторе, но мы не учли одну серьезную вещь - общество с современными технологиями объективно выводит большую массу людей за сферу производства и содержит их счёт бюджета. В историческом плане это явление закономерно и в целом прогрессивно. Но сейчас это тяжелым налоговым бременем легло на госпредприятия и частных предпринимателей, что и без того усугубляет превратности переходного периода.

И еще один момент - в чьей реформаторской голове могла родиться иллюзия, что наш предприниматель окажется способным за счёт посредничества накопить капитал для современного промышленного производства? Дай Бог, чтоб ему хватило на приличный магазин или небольшой цех по производству муки или колбасы.

Аналогичные фантазии овладели и теми, кто думает ре-

шить наши медицинские и педагогические проблемы частной практикой. Слов нет - эту сферу тоже нужно развивать. Но разве врач найдёт сегодня столько средств, чтобы купить современную медицинскую аппаратуру, а репетитор разве заменит образовательный комплекс школы? Нужно сочетать и то, и другое. Но почему это происходит за счёт разрушения государственного сектора, который формировался десятилетиями и сейчас держится во многом на тех самых «совках», как обидно называют людей, способных выполнять свой профессиональный долг не только за плату, но и по совести.

А так называемые «новые люди» пусть ищут возможности для самостоятельной работы, пусть проявляют свою предприимчивость, организаторские способности. Они займут ту нишу в обществе, которая была свободна, и оформят конкурентную среду.

Что касается экономики, то продолжающееся перекраивания политической и экономической карты бывшего СССР окончательно запутало ситуацию, и все преимущества второго этапа приватизации пока сводит к нулю. Скорее всего, государство вынуждено будет опять включить механизм более жесткого управления производством. Для автономной экономики, которую мы вынуждены создавать в Казахстане, нужна концентрация средств. Это возможно сделать лишь при повышении управленческой роли государства.

Последние годы пропаганда нас сильно запугала государственностью, соединив её с крайним проявлением - тотали-

таризмом. А ведь если рынок признан гениальным изобретением человечества, то не менее гениальной выдумкой следует считать и создание государственности. Она способна не только обуздать стихию рынка, который одолевает людей кризисными потрясениями, но и вывести из такого кризиса, как наш, - в условиях отсутствия свободного рынка.

Именно государство своей мощью способно сейчас в нашем обществе создать такие условия в экономике, чтобы люди, ещё оставшиеся в этой сфере, могли найти приложение своим творческим силам, а не быть у него обузой, вымаливающей денежное пособие для физического существования.

Уберечь нас от сваливания в тоталитарную яму, чего мы сейчас очень боимся, может лишь развитие демократических сторон государства. А чтобы это был инструмент не бюрократии, а всего народа, нужно развивать представительную и судебную власть.

Пока же по-прежнему звучат призывы потуже затянуть пояса. Недавно спросил у пожилого человека, пережившего и голод 30-х годов, и сталинские лагеря, и многое другое: было ли у нас раньше хуже, чем сейчас? И услышал: не было. Скажу откровенно - не очень ему поверил. У старости свои критерии в оценке прошлой жизни. Но одно я почувствовал со всей очевидностью - поясок уже затянут на последнюю дырочку.

«Кустанай», 27 ноября 1993 г.

Как Егор Тимурович недооценил Владимира Вольфовича

Чуть поутих переполох в стане «демократической общественности», вызванный предварительными итогами голосов на выборах Федерального собрания России. Известные ораторы сказали какие положено слова, кого положено ссадили с руководящего кресла, кому положено сам ушёл в отставку, и, наконец, как и следовало ожидать, создан очередной, теперь уже антифашистский, блок. Но главного «шоковые терапевты» так и не сделали - не поставили точного диагноза причине образования опасной болячки - победы в выборах авантюрного Жириновского. И даже начатая у ельцинистов фильтрация свежим воздухом новой Конституции «отравленных» советской властью легких не сменила у них чахоточный румянец на естественную розовость щёк, свойственную людям, довольных жизнью и собой.

После апрельского референдума российские правители уговорили себя в том, что народ поддерживает их способ реформирования экономики. Эта иллюзия оказалась настолько развращающей, что даже такой неглупый человек, как Егор Гайдар, поддался её прелести. Теперь он говорит, что недооценил Владимира Жириновского. Нет, Егор Тимурович со своими помощниками прекрасно видел, как Жириновский блестяще исполняет все приемы предвыборной кампании. Он, скорее, не знали той почвы, на которую падали все обещания этого политика.

С первых же выступлений лидера ЛДПР обращали внимание на себя два факта: отсутствие критики правительства и более частые мелькания в средствах информации. Знакомый мне политик, изучавший ход предвыборной кампании в России, ещё до голосования спрашивал у представителей некоторых избирательных блоков их мнение по поводу отношения команды российского президента к действиям Жириновского. Ответ у всех был одинаков - он нужен для того, чтобы забрать часть голосов избирателей у коммунистов.

Сейчас часто проводят параллели с Германией начала 30-х годов, когда Гитлер пришёл к власти. Но опять это делается больше для того, чтобы испугать обывателя, и только. А если внимательно всмотреться в то время, то нельзя не заметить что: во-первых, тогда в Германии был такой же хаос, как сейчас у нас, во-вторых, боязливые буржуа сильно не хотели у власти коммунистов. Так трон был отдан Гитлеру. Очевидно, германские бюргеры хорошо помнили опыт России 1917 года, когда слабенькое Временное правительство, боясь сильного Корнилова, фактически подарило власть большевикам. Немцев тот российский опыт многому научил, он же руками Гитлера их и угробил. Вместе с десятками миллионов ни в чём не повинных граждан других стран.

Вернёмся к теперешней России. Так кто же создал на всей территории бывшего СССР хаос и кто 12 декабря 1993 года боялся прихода к власти коммунистов? Кто действительно сейчас вскармливает фашизм? В этом ещё нужно хорошо

разобраться.

Американский президент оказался почему-то честнее российских демократов. Оценивая итоги голосования, он сказал, что это был протест. Правда, или не договорил, или его у нас недобросовестно процитировали, но осталось неясно – против чего протест?

Выводы будем делать сами.

Чем выиграл Жириновский? Идеями национального единства русского народа и воссоздания прежнего могучего государства. Да, у него это было густо замешано на шовинизме. Это отталкивало. Но сила переживаемого сейчас национального унижения, возмущение искусственным разделением семей оказалась сильнее.

Неплохо бы «Выбору России» задуматься и над тем, почему так много людей проголосовали вообще за другие блоки. Получается так, что правда жизни оказалась сильнее той правды, которой постоянно присягали гайдаровцы в своих предвыборных обещаниях. И уж совсем трудно понять тех аналитиков, которые сейчас доказывают, что главное теперь - убедить россиян в ошибочности их голосования. А может, правильнее ещё раз подумать о стиле проводимых реформ? Иначе к следующим выборам затоптанного Жириновского сменит другой Владимир Вольфович и соберёт под свои знамена ещё больше избирателей.

«Кустанай», 25 декабря 1993 г.

Заставь дурака богу молиться...

Кто сказал, что мы — общество сплошного атеизма? Да нет в мире такой страны, как наша, в которой бы вера была чуть ли не главной основой человеческого существования. В кого и во что мы только ни верили, чтобы простить самим себе неустроенность бытия, от каких богов мы только ни отказывались, чтобы в очередной раз поверить в другого. А он, очищенный нашим страдающим воображением от сатанинских наслоений, повёл бы в мир счастливого времяпровождения. Намаявшись в лабиринтах истории в поисках подходящего земного бога, мы наконец-то наткнулись на давно известного всему миру (но нами отвергнутого) и принялись с большим старанием ему молиться. Колени себе уже поистерли, лбы в кровь от усердия поразбивали, а ничего, кроме бед, новое божество нам не даёт. Каких только жертвоприношений ему не делали! Положили на алтарь: и гордость стариков за своё прошлое, и уверенность молодежи в счастливом будущем, и национальное согласие, и много ещё чего... В ответ лишь жёсткое молчание да беспомощное уговаривание номенклатурных проповедников ещё немножко своей пастве потерпеть.

Пусть простят мое невольное богохульство истинно верующие в духовного Бога люди - не покушаюсь я на авторитет Всевышнего. Речь идёт лишь о мелком божке (а может крупном дьяволе), которому в последние годы мы начали усиленно поклоняться. Имя ему - Рынок.

С разделением труда люди естественным путем нашли возможность обмениваться его результатами и никогда думали, что в конце XX века найдётся в мире народ, который в религиозном экстазе начнёт поклоняться этому природному явлению, выдавая его за своеобразного мессию, который наконец- освободит его от пут тоталитарного рабства. Словом «рынок» новые пропагандисты забили все уши обывателю, как бы замаливая прежние грехи в проповедовании коммунизма. Более того, рынок почему-то непременно связывается с капитализмом.

Но у рынка нет никакого лица: ни капиталистического, ни социалистического. Это всего лишь колеса, без которых «телега» экономики не поедет. Рынок зарождается в натуральном обмене результатами труда, и этот период можно сравнить с тем, как человек тащит груз волоком. Появились деньги - и это можно уже сравнивать с появлением колёс. Дело пошло споро. Усложнялся рыночный механизм (то бишь совершенствовалось колесо), и повозка экономики могла везти груз большой и на дальние расстояния.

Однако колесо может пойти вразнос. Что и случилось в странах Запада до 40-х годов текущего столетия, воплощаясь в экономических кризисах. Как человеку в этом случае взяться за управление колесами (простите - рынком)? Где притормозить, а где и смазочки посвежее добавить. Постигая науку управления рынком после 1917 года, мы так увлеклись тормозами, что пришлось заставлять народ кнутом и

пряником толкать свою заторможенную «повозку». Но и в этот период рынок всё равно существовал - колёса вертелись. Поэтому призывы «вводить» сегодня у нас рыночные отношения - проявление принципиальной ошибки. Если бы дело было только в словах, то мы бы уж как-нибудь разобрались. Дело не в рынке как таковом - он всего лишь механизм обмена результатами труда. Соль в том, насколько этот механизм способен свободно работать на основе своего внутреннего устройства.

Представьте себе сильно перегруженную повозку, да ещё с приторможенными колёсами (чтобы назад сама не покати-лась), которую люди, надрываясь, толкают в гору. Дошли, до критической точки и встали - кончились все силы. Вдруг навстречу выходит хитрый мужичишка и говорит: «Зачем колёса зажали тормозами? Отпустите - телега сама пойдёт. Можете и сами на неё садиться». Что они и сделали. Повозка, конечно, понеслась назад, подпрыгивая на ухабах и теряя по дороге груз. Есть все основания ждать, что где-то она перевернётся и похоронит под собой незадачливых седоков. Хитромудрый советчик посокрушается таким исходом, а потом соберёт разбросанный по округе скарб «рыночных новаторов» и поедет дальше на своей, хорошо смазанной и умело управляемой телеге.

Любим мы везде искать капитализм или социализм. Раз уж на то пошло, то по поводу рыночных отношений можно, очевидно, сказать, что при капитализме рынок ещё пло-

хо управляем и поэтому сотрясает общество кризисами. При социализме же человек, познав объективные законы экономики, начинает управлять рынком. При этом он не должен подавлять экономический интерес производителя (как у нас делалось раньше) и в то же время при помощи плановой, инвестиционной, налоговой политики стремиться уберечь экономику от кризисов (как это делается сейчас на Западе). Эту задачу решают государственные органы. В этом-то и проявляется общенародная собственность. Не в юридическом праве на орудия труда, а в возможности общества регулировать экономические отношения. Не в интересах отдельных социальных слоев, а во благо всего народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.